

В этом году замечательный русский поэт, трижды лауреат журнала «Наш современник», лауреат Всероссийской православной литературной премии имени святого и благоверного князя Александра Невского, автор нашего альманаха Наталья Николаевна Егорова отмечает 60-летний юбилей. Редакция альманаха «Под часами» от всей души поздравляет Наталью Николаевну с этой датой.

Здоровья Вам, счастья и новых стихов, дорогой наш друг, Наталья Николаевна!

***

Дрожит росой небесный белый крин,
Где с милосердьем слита чистота,
Когда монашка с лилией кувшин
Несет к ногам тишайшего Христа.

И каждый раз – как молния, как стон:
– О, Кто распят был и зачем распят? —
И лилией белеет Твой хитон
В алтарной мгле вселенных и лампад.

Христос мой тихий! Лилия Небес!
По Галилее среди рощ и скал
Ты шел земной судьбе наперерез
И лилии тяжелые срывал.

Так мы, беспечно споря о своем,
Смешная озорная детвора,
Ромашки и гвоздики вольно рвем
В изрытых поймах старого Днепра.

И вдруг нас настигает, словно гром,
Открытый голос правды и вины.
Мы поднимаем головы – и ждем
Ответа напряженной вышины.

Над храмом разоренным облака.
И город в новостройках и пыли.
И душит сердце смертная тоска,
Как будто мимо главного прошли.

И навсегда душа потрясена
Незнамо чем – невнятным сном? лучом? –
И дышит напряженно глубина,
Где все на свете знает обо всем.

И снятся нам цветы в накрапах рос —
В них с милосердьем слит поющий прах.
И судит мир прощающий Христос –
И лилия сияет на устах*.

Ни смысла не зная, ни точной причины,
Открыто гласит житие Иоанна,
Что, Богом в соленую послан в пучину,
Нес весть о Христе он во тьму океана.

Какие пути и неясные цели
Апостол Любви открывал перед нами?
Но волны, сомкнувшись, над ним зашумели,
И сонные рыбы забили хвостами.

Кого отыскал он в пучинах забытых,
Кто был бы достоин любви и спасенья?
Кому в глубине прошептал он молитву?
Кому проповедовал свет Воскресенья?

Молчат, овеявая священной дремотой,
Туманные строки преданий старинных.
Но значит живет там неведомый кто-то,
Ведь Бог просто так не пошлет во глубины!

---

* В мировой символике лилия, исходящая из уст Христа во время Страшного суда, является символом милосердия.

** Ихтис (греч. Ἰχθύς – рыба) – древняя монограмма имени Иисуса Христа, состоящая из начальных букв слов: Ἰησοῦς Χριστός Θεοῦ Υἱός Σωτήης – Иисус Христос Сын Божий Спаситель. Часто изображалась аллегорически – в виде рыбы.

Не к глупым кальмарам, не к вольным дельфинам?
Но виделось выжившим в кораблекрушении,
Что церкви стоят в океанских глубинах,
И колокол бьет под водой утешенье.

Суда снарядили – пускай и не сразу.
Подлодки построили, выделив денег.
Но ведь ничего не нашли водолазы,
И умностей сдуру наплел академик!

Но память земли, что скрывается в водах,
На берег летит океанской волною
В штормующей мгле укрощенной свободы
И хлещет священной Небес глубиною.

А звезды поют, что Христос – это Рыба,
Что сам он рыбак и ходил с рыбаками,
И плещет созвездий горячая глыба,
И в волны зелеными бьет плавниками.

Все жаждет спасенья! Все ищет спасенья!
Все ищет Христа и Христовой свободы!
И жгут всепланетною тайной крещенья
В купели Земли – океанские воды.

Ведь если и есть в этом мире спасенье –
То всем без разбора – на море и суше.
И бьется в наушниках SOS Воскресенья:
«Спасите, спасите заблудшие души!»

А ты, о своих же глубинах не зная,
То смеху подвластна, то горькому горю,
Не ты ли, душа, эта тайна живая –
Душа, глубиною подобная морю?

И в мире, где все от рожденья едино
И щедро осолено солью морскою,
Не наши ль с Христовою Рыбой глубины
Крестил Иоанн благодатной рукою?

А волны поют, что Христос – это море,
И рыбы – Христос, и подводные скалы,
И звезды – и воздух в звенящем просторе,
И сам бесконечный простор небывалый.

И горы – Христос. И над городом – солнце,
И встречных на улицах светлые лица.
И голубь, что с крыши голубке смеется –
Все в этих глубинах смело вместиться.

Огромный Христос! Больше моря и суши!
Христос – Вседержитель планет и вселенных!
Спаси же, Спаситель, заблудшие души
И Рыбой плесни из времен белопенных!

Бескрайней Свободой пройди облаками
По шару Земли – бесконечным восходом –
В огромном штормящем шальном океане
По вспененным волнам, по хлещущим водам.

А ветер насквозь продувает рубаху,
И волосы в ярости треплет мгновенной,
И брызжет в лицо океаном с размаху,
И в ноги швыряет соленую пену.

И звезды сгорают, и хлещут цунами,
Но вновь, пересиливший смертную муку,
Проходит воскресший Христос над волнами –
В беде и нужде протянуть тебе руку.

РУССКИЙ ДУБ

1

У Мамврийского дуба в поющем дупле
Блещут царства – и звезды текут по стволам.
Тыщи лет он стоял на иссохшей земле
Там, где Бога однажды узрел Авраам.

Вспыхнул огненный Свет, порождающий свет.
Заструилось течение любви и тепла.
И хватило на долгие тысячи лет
Жизни той, что от ангелов трех изошла.

Вырван вечною силой из тока времен –
Ни старенья, ни смерти ему не узнать.
Льется Небо по листьям играющих крон,
И течет по корявым корням благодать.

Крестоносец кичливый давал здесь обет.
Чтил законы раввин, голосил муэдзин.
Византии засохла священная ветвь.
Пал разрушенный Иерусалим.

Но в молитвах, звучавших под кроной сквозной,
Не услышал он жаркой прохлады лучей:
– Пусто, Господи, дубу в глуши мировой
Пить безвкусный настой иссушающих дней!

Вот тогда, жаждой Бога великой томим,
Среди жара пустынь не ища своего,
Из России безвестный пришел пилигрим,
И три ангела пели в молитве его.

Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над крестами – бездонных небес снеговой,
Под санями – сугробов таинственный хруст –
Потрясла исполина от крон до корней.

Как летит куполами над реками скит!
Что за пламя молитвы вдали ото всех!
Как Господь над лесами лучами блеснит!
Как поет благодатью божественный снег!

И за сродство молитвы с единственной – той –
Стал он Русским среди палестинских равнин,
И пригрел монастырь под своею листвою,
И тянулся к России за Богом своим.

Ибо видевший Бога и чующий Дух
Будет Духа искать, не польстившись на прах.
И Россия легла под ветвями его –
Все в горящих свечах и поющих снегах.

2

Но века пронеслись, как сметающий вал.
Новый русский явился из шума молвы.
Ветви дуба сломал и кору ободрал,
И продал на крикливых толкучках Москвы.

И настолько он был бездуховен и груб,
Так проникся идеями лжи мировой,
Что засох потрясенный безверием дуб
И ветвями скрипел в пожирающий зной:

– Богоносная Русь! Духоносная Русь!
Над тайгой и снегами – Христа тишина!
Дай же я за тебя посильней помолюсь
В нарастающей бездне последнего сна! –

И в видении, чье толкованье мудро,
Вдруг увидел мальчишку. Москвы воробей –
Тот просил подаянья в снегу у метро
И молился в слезах о России своей.

И летел в его шапку сияющий снег.
И о Боге Миров он не знал ничего.
Гнал и гнал беззащитного русского век –
Но три ангела пели в молитве его!

Те же ангелы пели – сквозь грохот и грязь,
Так же пели – в нахлынувшей мерзости лет.
И ожил, долгожданному чуду дивясь,
Русский дуб – и росток появился на свет.

Херувимы поют в его шумных ветвях.
Стаи ангелов гнезда в листе его вьют.
Нерушимо Престолы таятся в корнях.
Светоносные Силы по жилам текут.

И, среди запустенья Любви торжество —
Ради вечного Духа отвергшая прах –
Вновь Россия лежит под ветвями его –
Вся в горящих свечах и поющих снегах.

Русский мир! Снизошла на тебя благодать —
Суховой ли шумит или падает снег –
Ибо каждый, кто Бога стремится узнать,
Будет жив и уже не погибнет вовек.

Время будто сгустилось в бездонном колодце двора
И не шло, а стояло в густых лопухах и крапиве,
И огромные жизни к закату, проснувшись с утра,
Проживала душа в переполненном медленном мире.

Было времени столько – о, сколько угодно тебе! –
Можно в прятки играть, нацепив одуванчика платье,
Можно слушать стрижат сквозь дыру в водосточной трубе –
Все равно-все равно никогда-никогда не растратить!

Я помчалась тогда за веселой удачей своей,
Заигравшись с детьми – и упала с Небес почему-то.
А чем дальше от Неба, тем время грохочет быстрее,
И мелькают века, превращаясь в скупые минуты.

И оно понеслось – закрутилось в погоне шальной,
В суете, в маете, в жажде знания неутомимой.
Я любила вас всех – только что это стало со мной?
Словно в черной дыре – все не в лад, и напрасно, и мимо!

И душа не поймет, как ей выбраться из чепухи,
Из доставших забот, из досадливой муторной дряни,
В старый двор, где – счастливые! – крыльями бьют лопухи,
И доверчивый мир застарелою болью не ранит.

Там, где медленно время течет в золотистой пыли,
О – почти что стоит – рядом с ящиками у сарая!
И седой одуванчик поет лопухам о любви
И глазами глядит, в бесконечной любви не сгорая.

ЦВЕТЫ ПОД НОГАМИ

Снова черная тень над твоей головой.
Топчет каждый идущий – любому не лень.
Мы раскрыли глазища в пыли золотой,
Проживая отпущенный солнечный день.

Мы с обочин, из недр, из поющих глубин,
С придорожных канав, с прибольничных лужков,
С приосторожных колдобин, забытых равнин,
С приовражных тропинок, сухих бочажков.

Что не так? Ведь никто не просил нас расти
И наивно тарашить глаза от земли.
Будто солнце упало и светит в пыли –
А идут по нему – так должны же идти!

Но, всегда любопытно-глазасты к другим,
– Солнцу, с неба упавшему, мир – не указ! –
Мы застенчиво смотрим и робко молчим,
Если кто-то случайный посмотрит на нас.

И не зная, зачем понапрасну страдать
О судьбе горемычной – вы это всерьез?
Мы особо не сетуем – что горевать?
И особо не плачем – что толку от слез?

Ты смиришься и расти под ногами времен.
Кто идет – тот сорвет, кто идет – тот сомнет.
И головкой отвешивай низкий поклон,
Если кто-то увидит и кто-то поймет.

СМЯДЫНЬ

Месяца августа в 11-й день... прибыли глукочтимые гробы...И в тот же...день были доставлены раки для установки останков страстномучеников Бориса и Глеба, доставленные из Вышгорода в Смоленск.

«Повесть о перенесении Ветхих гробниц святых братьев Бориса и Глеба из Вышгорода на Смядынь, в Смоленск». XII век

1

В протоках времен застоялась водица,
Как свет за века в неразрушенном храме.
И прошлое здесь не проходит, а длится,
Как те облака, что стоят над холмами.

И помнит доньине здесь кроткое небо,
Как в русле ладья повстречалась с ладьёю –
Лихие убили невинного Глеба,
А тело, глумясь, не прикрыли землею.

Колодец здесь был со святою водою,
Стоял монастырь здесь в двенадцатом веке.
Коттеджей крутых возвели над горою,
Загадили все и снесли человеки.

Бульдозер зарыл ключевые истоки.
У грязной Смядыни поставили камень.
Но бьют из земли неизвестные токи
И звонко уходят в зенит с облаками.

И сходятся в месте разрушенном этом
На облаке – все, кто безвинно убиты.
И как электричеством – радужным светом
Сияют ночами бетонные плиты.

И если сидеть у бетонного круга
За церковкой у святого колодца,
Глубинами Днепр заиграет упруго,
И братья в ладье пронесутся сквозь солнце.

И в мире разрушенном, в мире жестоком
Ты вечность отыщешь и правду узнаешь,
Меняясь под искрой Небесного тока –
Но призрачный счет временам потеряешь.

И станешь ты проводом между мирами,
Гудящим упрямо под током небесным,
Светящимся высоковольтными снами
В проулках безбожного времени тесных.

И в мире загаженном вспомнишь ты снова,
О чем позабыть тебя с детства просили –
Что сладко вовеки страданье за Слово
Христом замороженной кроткой России.

Два красных куста – окровавленных, кровных.
А в сердце поет благодатное Небо,
Что все не случайно – и вырос шиповник
Над ракой Бориса и ракою Глеба.

Над поймами – ивы, над ивами – холмы,
Над холмами – облачный город. И снова –
Над облаком – просинь долиною ровной,
А дальше – великие Царства Христовы.

И чудится: братьев, безвинно убитых,
Распахнуто кровью священной Небо,
И руслом днепровским в звенящих ракетах
Вся Русь пролегла – от Бориса до Глеба.

И кровь та святая течет и поныне
По венам и рекам великой наградой
Из Киева в Вышгород – к тихой Смядыни,
И вновь от Смядыни – до Вышнего града.

И в ивах звенит, и в болотцах с осокой,
И в утках, утят выводящих на стрежень,
И в песне старинной, бездонно высокой,
Над вольным раздольем днепровских безбрежий.

Себя потерявший за буйною новью,
Ты спросишь растерянно – что это значит?
Искуplen и ты драгоценною кровью –
Той братскою кровью – о чем же ты плачешь?

Смотри – от России к далекому устью
Днепр ищет пути сквозь пороги и броды
К садам Украины и льнам Беларуси,
В Священную Русь собирая народы.

Что братские распри? Что братские слезы?
Что войны народов? Что боль ножевая?
Искуплено все – и днепровские лозы
Омыла ты кровью, вода ключевая!

Здесь все искупили – давно и навеки –
Святые и пахари, земли и воды,
И помнят, струясь, полноводные реки
О том, что давно позабыли народы.

А утки летят растревоженным клином
Над древнюю Русью, над вечную Русью,
Над буйной седой головою повинной –
И Днепр звенит – от истока до устья.